

О Елене Сергеевне: странички из дневника

...Постепенно время стирает из памяти и значимые, и малозначимые мелочи. Нам даровано чудо общения, чудо дружбы с удивительными людьми.

Многое забывается. Я уже не помню, какие сигареты любила курить Елена Сергеевна Новик. Зато помню, как она звала в гости, покупала торт «Лето в Париже» или «Панчо» – и лучезарно радовалась тому, кто к ней приходил.

Помню код от подъезда ее дома. От подъезда, куда больше никогда не приду к ней в гости.

У нее была собака по имени Бисквит, которую она называла таксеньшем и Бикой. Она хранила макароны в прозрачных банках из-под кофе. На кухонном навесном шкафу стояли оленье рога. В квартире стоял странный запах старого жилища. Когда она рассказывала о поле, о жизни хотелось все запомнить и записать, но она не разрешала. Дружба с Еленой Сергеевной была большим даром от жизни.

Однажды Елена Сергеевна очень заболела. Поделилась со мной, что очень хочет, чтоб к ней пришла в гости Елена Петровна Шумилова. Елена Петровна работала заместителем директора УН ИВГИ им. Е.М. Мелетинского. Они раньше очень дружили, но когда Е.П. Шумилова занялась ИВГИ, ей на подругу перестало хватать времени.

Встречу удалось организовать. Елена Петровна шла со мной к Елене Сергеевне и, зная то, что я любитель фиксировать все и вся, предупреждала: ничего, Жигарина, не записывайте, ибо таинство человеческой жизни.

Они говорили о совсем женском: о мужчинах, об одежде, о жизненных сюжетах, о тонкостях биографий разных людей, о юности... Было чрезвычайно жаль, что не имею морального права ни записать, ни запомнить, ибо обещала.

Есть разные грани общения. Одно дело, когда Елена Сергеевна – учитель, педагог, исследователь, редактор. Другое – когда она – самый близкий друг, родная душа и один из главных людей в жизни.

Постепенно мелочи уходят. Я иногда что-то все равно фиксировала в своих тетрадах. Поэтому что-то помню.

* * *

В 2004 г. Елена Сергеевна поехала отдыхать в Хорватию, а мне доверила ухаживать за своей квартирой и котом Гошей. В этой квартире – обалденная библиотека фольклориста-этно-

графа. Мы с друзьями обчитались там до беспамятства. Но раз так получилось, что я залила квартиру снизу. Переживала страшно, потому что какие у меня – аспирантки – деньги для решения ситуации?

Приехала Елена Сергеевна, я повинилась. А она и говорит:

– Это чепуха. Пускай вспомнят, как у них штукатурка с потолка отваливалась, когда я молодая тут отплясывала!

* * *

В ноябре 2005 г. я сдала кандидатский по специальности. Сажу в кабинете пригорюнившись. Курю и думаю думаю. А жила тогда на зарплату лаборанта ЦТСФ и стипендию аспиранта. Это 6000 р. в сумме. Заходит в кабинет Елена Сергеевна, садится тоже курить.

– Что, Лен, пригорюнилась?

– К маме в Ульяновск хочу.

– А в чем проблема?

– Денег нет.

Елена Сергеевна дала мне денег на билет до Ульяновска. Я повидала маму в предпоследний раз в жизни: в 2006 г. она умерла от рака.

* * *

В 2006 г. осенью я дописала диссертацию. Научный руководитель, хоть и очень старался помочь мне, перед моей защитой уехал в Бразилию. Там он тоже читал мою диссертацию, но это было ему невыразимо непросто. Исписав 33 карандаша и стерев 33 ластика, мой диссер вычитала и Елена Сергеевна.

Во множестве текстов, записанных мной, было много мата. Это нормально. Поле есть поле. И записи велись не на литературных вечерах. На одну страницу диссертации у меня в среднем 2 раза встречалось слово «х...», ну, и подобное.

Ситуация: один день до раздачи диссертации оппонентам. Звонит Елена Сергеевна: «Лена, давайте, вот где слово на Х – везде напишите его с отточиями. И на П. И на Е–Е».

Через три часа звонит:

– Верните все обратно. Поле есть поле. Пусть так читают. Не переломятся.

* * *

Елена Сергеевна любила астры.

Я вот тоже люблю какие-то цветы. Но моя любовь – это предпочтение, а не обожание.

Ну, вот нравятся мне тюльпаны, а гладиолусы считаю глупыми растениями.

Финские ромашки – это хорошо, потому что они росли перед моей первой школой.

Хризантемы – это хорошо, но печально, потому что их всегда выбирала моя маленькая мама.

Розы – зело семиотично. И, скорее, про мою бабушку. Она рукодельница была и розы любила... и все, что можно было в доме вышить розами, было ими просто усыпано.

А Елена Сергеевна любила астры.

Раз Ира Шувалова привезла море этих цветов в РГГУ. На день рождения Елены Сергеевны.

Мы всем центром готовились вручать цветы. Это был такой сногшибательный сноп астр – не передать!

И вот Елена Сергеевна...

Она нас всех чрезвычайно любила. Но не очень любила праздники, посвященные ее дню рождения, и в этом иногда за сигареткой в кабинете признавалась.

Но тут все вопросы были сняты. Она взглянула на букет – и замерла. Сказать, что она была поражена, это ничего не сказать. Я не догадывалась, что так можно смотреть на цветы. Она любовалась этим снопом и несколько минут не могла произнести ни слова.

И долго эти цветы вспоминала.

* * *

В последнем нашем разговоре Елена Сергеевна сказала мне, что я своими вечными «могу» и «сделаю» вырою себе могилу.

А потом через несколько дней ее не стало.

* * *

Елена Сергеевна про то, как Е.М. Мелетинский позвал ее работать в РГГУ:

«...в ИВГИ как я попала – Афанасьев позвонил Елеазару Моисеевичу, чтобы он составил список людей, которых он хотел бы видеть в своем институте. Ну, и чего Елеазар Моисеевич сделал? А я уже не чаяла – мне там абсолютно нечего было делать в Институте этнографии! И когда мы сюда пришли – я посмотрела, конечно, – только сняты были дорожки вот эти вот ковровые. Партшкола – партшкола. Значит, какой шкаф ни передвинешь – оттуда сыпятся портреты Ленина. Какой ящик ни откроешь – там пачки партийных документов. Вот эти вот бланки. Еще этот лабиринт – не поймешь, куда соваться. И я говорю: место гиблое, и если хотя бы год мы вместе проработаем, но оно того стоит попробовать».

* * *

У Елены Сергеевны был кот Гоша.

Старый и мохнатый. Когда возлежал на ее подушке, больше походил на Конфуция.

Ко мне относился с вызывающей надменностью. В принципе, я его понимаю. Приходят тут всякие...

Мы сидим с Еленой Сергеевной над моей диссертацией. Ровно над самой ее сердцевинкой, где самая суть.

Одиннадцатый или двенадцатый час вечера. Вернее, ночи. Она – закуривает третью или четвертую сигарету, объясняя мне свою правку, рассказывает про то, чего не хватает, ругает, отмечает находки, разбирает текст по косточкам, собирает вновь...

Приходит кот.

И начинает доказательно мяукать: «Йаааа! Йааа! Йааа!»

Елена Сергеевна смотрит на него осуждающе:

– Гоша, отстань! Есть в этом мире вещи поважнее твоего эгоцентризма!

* * *

В 2010 г. Елена Сергеевна неприятно упала. Ходить не могла, лежала – а никому не позвонила и не сказала, что произошло.

Позвонил Василий Костырко, сказал, что у Елены Сергеевны, по его ощущениям, что-то произошло.

Елена Сергеевна лежала и не могла подняться. Чтобы не вставать лишний раз, она держала дверь квартиры открытой.

На мои ругательства и ламентации о том, что надо вызывать на дом рентген, она ответила протестом: рентген делают только в больницах, а она встать с кровати не в состоянии. И вдруг ее загибуют – она этого не хотела, и опыт уже был.

Убедить ее удалось: нам нужен ответ на вопрос: это позвоночник или ребро? Ребро – черт с ним, срастется, если проблемный перелом, а с позвоночником надо быть осторожным. Нашли быстро рентген в Интернете, ну денег стоит – и что? А говорить, что только в больницах, просто нечестно. Военно-полевая медицина сто лет как существует, а тут рентген в XXI в. не сделают на дому – да не верю!

По пробкам к нам приехал молодой врач лет тридцати. Сразу как вошел – стал книжки рассматривать, рассказал, что много чем интересуется и этнографией тоже. И вообще он занимается крутым искусством рентген-арт (это что-то вот такое: http://trinity.ru/pics/x-ray_art_01.jpg), сделал рентген, в ванной проявил снимки, определил перелом позвонка, попил чаю, успокоил Елену Сергеевну, сказал, что она красивая, умная и со всем справится, что корсет нужен и срочно, что он сам договорится с нуж-

ным врачом, который принесет ей тысяч за 10 хороший съемный удобный корсет. Тысяч 10 на самом деле – такая чепуха в такой ситуации. Честно.

Елена Сергеевна расплакалась, расчувствовалась и подарила мужчине свою книжку с дарственной надписью. А врач-рентгенолог скостил ей цену за свои услуги, искренне поблагодарил и ушел.

На следующей день Елене Сергеевне другой врач принес корсет, настроил его нужным образом по размеру. И Елена Сергеевна терпеливо носила его.

Меня в те дни она слушалась странным образом. Звоню: «Елена Сергеевна, я тут борща наварила море – 6 литров. Ща приеду – завезу».

Она протестовать давай: ко мне сестра приходила, еды наготовила.

Я: ничего, не в пропажу. И я, типа, ничего не могу поделывать: мне так велел Игорь, а я послушная – такая у меня, типа, крестьянско-бабская психология. Он сказал отвезти вам борща – и привезу все равно. И, типа, что переживаете – сейчас вместе поедем – да и хорошо.

И она послушно вздыхала: ну, давай. И послушно кушала.

Милая. Очень милая.

Ей мое варево действительно было не нужно. Подумаешь – глупая еда какая-то. А мне было нужно, чтоб она понимала, что есть куча народу, которые могут и хотят ей помочь.

И мы все ведь старались.

Ужасно будет ее не хватать.

* * *

2006 г. 21 ноября. Я только что защитила диссертацию. Курим в кабинете после защиты.

Я:

– Странно, что у Натана Давидовича Тамарченко не было ко мне вопросов.

Елена Сергеевна:

– Он прохохотал всю защиту в кулак, потому что открыл диссертацию – и сразу наткнулся на вариант «Делу – время, потехе – пространство».

* * *

В 2008 г. раз Елена Сергеевна сильно заболела. С суставами у нее все время проблемы были, а тогда – вообще ни согнуться, ни разогнуться. Ручку держать в руке не могла. И вот она доверилась: «Приезжай, – говорит, – пожалуйста, к 7 утра ко мне на Белорусскую. Мне в больницу ложиться. Сама не справлюсь. Помогите».

Утро. Мы как-то с ее 12-го этажа смогли выйти к такси. Таксист – плотный мужчина лет 50. Встретила бы его в метро или на улице – порешила бы, что научный работник. Он очень внимательно отнесся к нам – и на руках ее посадил в машину.

Елена Сергеевна планировала справиться сама – и очень расстроилась, что не получилось. Водитель – умнейший и внимательнейший, сменил тему и рассказал нам, как на прошлой неделе развозил артистов с шоу трансвеститов. И так рассказывал, что мы с Еленой Сергеевной хохотали от души.

Пришла я к Елене Сергеевне в больницу на следующий день. Она встретила меня с просьбой. Врач написал на клочке бумаги название редкого лекарства... И вот если бы его можно было достать, то Елене Сергеевне стало бы легче. Елена Сергеевна не любила просить.

Я все время ее убеждала быть искренней и не стесняться. Говорила, что мы одна команда, и ежели она меня не попросит, то я не сделаю. А ежели не сделаю, то мне неловко будет попросить в нужной ситуации совета.

Но она все равно была упрямой: старалась обходиться сама. По сути, команда наша не сложилась: она почти не обращалась за помощью. И напрасно.

Но тут попросила. Врач ее обнадежил так, что она видела это лекарство единственным своим спасением.

Лекарство нашлось.

На северной окраине Химок в полуподвальной аптеке, где продавались даже пиявки.

Елена Сергеевна взяла коробочку с ампулами из моих рук... как перышко финиста ясна сокола.

Увы, оно не помогло совсем.

Жалко.

КАРАНДАШ, ЛАСТИК и ДИССЕРТАЦИЯ

Выйти на защиту диссертации с подготовленным текстом – это уже мелочи. Самое тяжелое, естественно, – подготовить текст.

Елена Сергеевна мне здорово помогла.

«За три года соображать головой вас аспирантура учит, но вот писать – никто из вас не умеет».

Осенью 2006 г. ходила к ней каждый день. Месяц или полтора. Не просила ее о помощи. Она просто сказала: «Будешь приходить каждый день. Я буду подчитывать, а ты править. Дело надо сделать».

Вот подъезд. Кнопка двенадцатого этажа. Я – нищий аспирант. Мне абсолютно нечего принести в качестве благодарности. Но я везу ластик и карандаш. Каждый день новый.

Почему?

Когда она взяла мой текст в руки, еще и не пролистывая, вздохнула: «Вот все думают, что написать диссертацию – это тридцать три каменных хлеба изгрызть и тридцать три пары каменных башмаков истоптать. Нет. Похоже на дело будет, только когда научный руководитель испишет тридцать три карандаша и сотрет тридцать три ластика».

В моем случае получилось, наверное, шестьдесят шесть карандашей и шестьдесят шесть ластика. Над моим текстом работали и научный руководитель Сергей Юрьевич Неклюдов, и добрая волшебница Елена Сергеевна.

Носила ей карандаши и ластики ровно потому, что она так сказала. Елена Сергеевна смеялась, но дары принимала.

* * *

В каком году было – не помню. Я у нее в гостях. Принесла чью-то рукопись из университета по ее просьбе.

Мы пьем кофе, курим и разговариваем. О науке, не о науке, о погоде, о коте, о моей никчемной жизни, о том, как она попала в РГГУ... она рассказывает про поле, про свою жизнь...

В комнате от нашего курения дым такой густой, что можно ножом резать.

Я спохватываюсь: время 22:30 – надо идти ведь.

Она:

– Ты спешишь?

– Нет, но час поздний. Не хочу воровать у вас время.

Она сморщила носик и улыбнулась:

– Лен, посиди со мной еще! Я вас всех так люблю...

Елена Жигарина

Елена Сергеевна и Гирц,
которого мы наконец поняли

Много историй вспоминается про Елену Сергеевну. Замечательный специалист по малым народам Сибири, знаток сибирских традиций, автор прекрасной книги «Обряд и фольклор в сибирском шаманизме», она была человеком, как бы это сказать, с редкой способностью предельно ярко мыслить и кристаллизовать свою или чужую мысль в одном ярком и доступном предложении. Как она «переформатировала» мысли аспирантов, которые, как манная каша, размазанная по тарелке, подносились ей из серии «вот тут мне пришло в голову»!